

В издательстве "Музыка" в серии "Диалоги об искусстве" выходит книга "Ах это было" [Тихон Хренников о времени и о себе]. Диалог с Хренниковым вел и текст обрабатывала главный редактор издательства "Музыка" Валентина Рубцова.

Фрагменты этой книги, с доброго разрешения авторов, мы предлагаем нашим читателям.

Кто за то, чтобы... (Принято единогласно)

А теперь о том, что касается событий 1948 года. [...] В Большом театре постановил оперу Мурадела "Великая дружба". Я присутствовал на премьере оперы. Она была слабая, драматургически неинтересная. Никакого там, конечно, формализма не было: опера — а бы сказал — была просто примитивна. И вдруг...

Я тогда работал в Рубце. В один прекрасный день এসек, кто, как и я, выходил в Рубце, пошел на собрание в Центральный Комитет партии. Это была прелесть: на постановление 1948 года о музыке — совещание деятелей советской музыки, на котором выступала Жданов. [...]

На совещании присутствовали все крупнейшие композиторы — и Прокофьев, и Шостакович, и Масковский, и другие. Первым выступал Жданов. Доклад его был очень интересным. Кстати говоря, доклад он не читал. Это в более поздние времена нас приучили к тому, что доклад обязательно должен быть писан и читан по бумажке. На фоне же старой интеллигенции, которая еще сохранялась в 40-е годы, выступление по бумажке высокого чиновника, ведающего вопросами культуры, было недопустимо. Особенно если этот чиновник стремился расположить к себе деятелей искусства.

В деятельности Жданова, конечно, много было негативного, особенно в том, что касается его выступлений по поводу А. Асафьева и М. Зинзида. Жданов был человеком своего времени, проводил сталинскую политику. По-видимому, был человеком очень жестким. Но справедливости ради надо сказать, что он был талантлив. И доклад сделал очень темпераментный. Вероятно, у него были какие-то тезисы, записки, но он их не читал. Когда речь дошла до высказывания Серова и Ставрога, он попытался отыскать выписки, но потом махнул рукой и пропел: пора на работу.

Когда Жданов кончил доклад, ему аплодировали все, кто сидел в зале; и Шостакович, и Прокофьев (я сидел позади Прокофьева), и другие. Аллоудисты были далеко, очень далеко и единодушны. И многие музыканты искренне разделяли подножия доклада.

Совершенно секретно

Я старый музыкант, на я никогда не замыкался в рамки узкого жанра: я люблю Вагнера, Бетховена, Шопена, а я с работой слушал и величайшие сочинения Штрауса. [...] А сейчас я устал от фальшивых нот. [...] Когда в студии грохотали фальшивые сочетания современных симфоний и сонат, я с ужасом мучительно старался сказать, что этим людям более свойственна выработка идеологической культуры Золотова, вплоть до фальшивки, чем изобретение природы русского советского человека.

Докладывая записку проф. А.Б. Гольденвейзера [А.А. Жданову].

Доклад Жданова известен, он был вычитан, не буду его повторять. Но доклад доклада таким образом не был. Как-то в руки мне попались экземпляры одного из наших известных писателей. Перелистал книгу и вдруг попал на то место, где автор пишет, что, по рассказам, на совещании музыкальных деятелей Жданов сидел за рояль и показывал Прокофьеву и Шостаковичу, как им надо сочинять музыку и т.д. Прислушавшись, мне стало стыдно, когда я прочитал эту сказку. Я ЦК никогда не было инструментом и уж по этой причине Жданов никак не мог сидеть за инструментом. Это был зал заседаний ЦК, в котором, как помнят очевидцы, музыкальные инструменты не водились.

И еще одно соображение. Конечно, Жданов был человеком очень самоуверенным, но не настолько, чтобы играть в присутствии деятелей советской музыки. Ведь в зале сидели выдающиеся музыканты. Рассказывают, что где-то, когда-то на каких-то вечерниках и сборищах Жданов действительно любил сидеть за инструментом и играть на фортепиано. Под эти фортепиано таскались высокие люди. Но не более.

Итак, выступление Жданова было встречено единодушным шквалом аплодисментов [...]

Я тоже выступал на этом совещании. Говорил что-то о молодежи. В основном случае, не думая, что после этого разразятся такие серьезные события. После совещания уехал в Рубцу, потом вернулся в Москву.

И вот однажды, в одиннадцать часов ночи явился в ЦК и просит немедленно принять турду. Работа в ЦК по ночам, как известно, в то время была нормальной. Моя жена Клара страшно забеспокоилась. Однако делать нечего, надо ехать. Узнали от имени Д. Шенникова, который был тогда заместителем начальника аппаратуры ЦК.

Приехал. Визу в приемном. Голованова, Сенинкова, Араба Хачатуряна и еще. Спрашиваю зачем приехали? Никто ничего не знает. Парням выехали в кабинет к Шенникову Хачатуряна. Он вывел оттуда очень расстроенный, подошел ко мне:

— Я тебя поздравляю.
— С чем ты меня поздравляешь?
— Сейчас увидим.

Попросила нас выйти и уехал домой. Потом вызвал Голованова. Через некоторое время Голованов вышел и сказал, что его опять назначили художественным руководителем Большого театра вместо Самсова. Потом пригласил Сенинкова. Через некоторое время он вышел оттуда. Спрашиваю:

— Что там такое?
— Вот, — говорит, — меня назначили ректором консерватории, Шенникова отстранили.
— А кто назначает и отстраняет?
— Значитесь приказ Сталина.

Последним пригласил меня. Шенникова проглатывает бумагу и говорит:

— Вот, присаживайся.
Читая распоряжение, подписанное Сталиным, где написано о том, что Председателем Оргкомитета Глиера и его заместителем Хачатуряна отстранить от работы в этом комитете. Председателем назначить Асафьева, Генеральным секретарем

ТАК ЭТО БЫЛО Тихон Хренников о времени и о себе (глава из новой книги)

Хренников. Дальше: назначить Хренникова Председателем музыкальной секции Сталинского комитета, назначить Председателем музыкальной секции ВОКС. Я был подавлен. Кто это? Янкий. И другие меня называют в Союз композиторов и в Сталинский комитет, отдают в мои руки международную работу...

Совершенно расстроенный, я стал говорить о том, что не готовился к общественной и руководящей работе, не спрашивал с меня. Шенников, со свойственным ему обаянием, говорит:

— Ничего, поможем.
— А что я могу сделать? — отвечаю, — подписано Сталиным. Ты и отказать нельзя, и ничего сделать невозможно.

Кроме назначенной в приказе работы о том, что необходимо готовить Первый ассесорский съезд композиторов, и назывался срок, когда его надо провести.

На дуде было пусто и тишина, я надо было что-то делать. И вроде бы на следующее утро мне надо идти в Союз. Я отправился туда, так же не знаю, что я там буду делать. Пришел Араба, он уже тогда был моим другом, не смел на то что был на десять лет старше меня и занимал высокий пост.

— Ну, — говорит, — сажай мне тебе нечего.
Конечно, он был очень расстроен. Я пытался его всгнестически успокоить, уговаривая не сдаваться. Ко времени моего назначения было уже опубликовано Постановление ЦК 1948 года, и Хачатурян, естественно, вернул. Уговаривая его, я заверил моего друга, что буду делать все, чтобы он не чувствовал себя изгнанным.

Седлом за Хачатуряном ко мне стали приходить люди, предлагать помощь. Одним из первых пришел Алексей Яковлевич Иконников, за ним еще многие. И все же мало-помалу трудно было понять, что же мне предстоит делать. Потом постепенно как-то сложилось. Первым делом я сменил секретаря. Это был первый шаг. Тогда секретарем Оргкомитета была Зинаида Александровна, большая доблестная женщина подруги из жизни артистов. И все, что происходило у нас в союзе, благодаря ей немедленно становилось буквально достоянием всех. Зинаиду Александровну, правда, я не уволил, а перешел в Сталинский комитет секретарем музыкальной секции. В союзе же у нас стала секретарем Ольга Владимировна, очень интеллигентный и скромный человек. Благодаря ей стиль аппаратуры союза преобразился.

Через некоторое время меня к себе пригласил Жданов.

— Ну, как дела? — спрашивает.
— Мы знаете, — отвечаю, — совершенно не знаю, что мне там делать.

— Вам там помогут советники.
Речь шла о Б.М. Ярустовском, который тогда работал в ЦК. И он действительно начал настаивать на мне. В итоге это потом очень печально для меня кончилось. Со мной случился ужасный нервный срыв. Ярустовский сам был очень нервный человек и тряс меня за душу все время нещадно.

— Самая главная ваша задача, — продолжал Жданов, — организовать сейчас как можно больше поездок. Композиторы должны общаться с жизнью, а не смотреть на свой собственный путь.

Не удалось за дословную точность перекаса всего разговора со Ждановым, но, признаюсь, довольно долго был в плену по поводу его рассуждений о композиторах, которые "вопреки пути смотрят на свой собственный путь и не знают, что все вокруг них происходит в жизни". Похоже, что это была главная мысль Жданова, он ее много раз повторил. Естественно, что это мне очень запомнилось, хотя такой безудержный пассаж по поводу художника запомнится, даже если он и не повторен, а сказан однажды. Соответственно и все советы Жданова исходили из главной мысли, а именно: композиторам нужно обратить лицом к жизни. Надо сказать, что при этом он ничего не говорил, как я должен был быть, и уж во всяком случае не требовал от меня какой-то жесткой политики, жесткой линии.

Во время нашего разговора пришел А. Кузнецов, который был тогда секретарем ЦК (он прибыл на Ленинград и потом был расстрелян). В ту минуту потонула какая-то постановление ЦК по поводу антирелигиозной пропаганды, и Кузнецов принес его проект. Читая текст, Жданов остановился и произнес:

— Нам нужно думать о лекторе.

И стал рассуждать, что они, как правило, очень плохие, а потому не могут ответить там на вопросы. По этому случаю Жданов рассказывал эпизод с одним из лекторов ЦК. Являлись однажды в колхоз и селились в какой-то старинный старухин дом. Бог-де нет, этот лектор был покорен естественным заданным ему вопросом по поводу того, что если уж он все знает, то как объяснить, что одна и та же трава, идущая в коров корме, лошади и козе, превращается в ядовитую форму и качества. Ответа собиравшиеся не услышали, зато услышали наивиднейшую реакцию старухи-хозяйки.

— Ты и я... не разберешься, в разговор, что Бог нет.

Рассказ об этой истории Жданов закончил словами о том, что нужны профессиональные кадры, пропагандисты, знающие жизнь и могущие ответить на все вопросы.

Композиторы начали ездить. Как-то постепенно мы стали организовывать такие поездки, обсуждать их. Вообще обсуждение было для меня новой областью, и чувствовал я себя здесь неуверенно. В ту пору после очередного постановления ЦК возникли вопросы прокатывавшие волна обсуждений — в Союзе композиторов, консерватории и т.д. Обычно я же ходил куда-то. Был-де нет, этот лектор был покорен естественным заданным ему вопросом по поводу того, что если уж он все знает, то как объяснить, что одна и та же трава, идущая в коров корме, лошади и козе, превращается в ядовитую форму и качества. Ответа собиравшиеся не услышали, зато услышали наивиднейшую реакцию старухи-хозяйки.

— Ты и я... не разберешься, в разговор, что Бог нет.

Рассказ об этой истории Жданов закончил словами о том, что нужны профессиональные кадры, пропагандисты, знающие жизнь и могущие ответить на все вопросы.

Композиторы начали ездить. Как-то постепенно мы стали организовывать такие поездки, обсуждать их. Вообще обсуждение было для меня новой областью, и чувствовал я себя здесь неуверенно. В ту пору после очередного постановления ЦК возникли вопросы прокатывавшие волна обсуждений — в Союзе композиторов, консерватории и т.д. Обычно я же ходил куда-то. Был-де нет, этот лектор был покорен естественным заданным ему вопросом по поводу того, что если уж он все знает, то как объяснить, что одна и та же трава, идущая в коров корме, лошади и козе, превращается в ядовитую форму и качества. Ответа собиравшиеся не услышали, зато услышали наивиднейшую реакцию старухи-хозяйки.

— Ты и я... не разберешься, в разговор, что Бог нет.

Рассказ об этой истории Жданов закончил словами о том, что нужны профессиональные кадры, пропагандисты, знающие жизнь и могущие ответить на все вопросы.

Съезд состоялся в апреле 1948 года и открылся с большой торжественностью.

Мы открываем наш первый съезд, вооруженные мудрым Постановлением ЦК ВКП(б) по вопросам музыкального творчества, в атмосфере скромной радости и энтузиазма к началу нашей новой эпохи.

С трибуны Съезда мы будем говорить перед лицом всего мира, отстаивая лучшие традиции русской и западноевропейской музыки.

Васильков С. [Вступительное слово].

Мое обращение к постановлению ЦК в выступлениях на съезде звучало по-новому. Практически все выступавшие интуитивно или специально на постановление "Об опере "Великая дружба" В. Мурадела". И будь это стилистичный музыкальный композитор из далекой среднеазиатской республики, музыкант, разведывающий радикальность взглядов руководящего документа, или автор, критикуемый за формалистические сачинения — все они в каждый из выступлений, выступая публично, находили и отменяли в тексте постановления нравственные и справедливые мысли. Я думаю, что в основном это делалось искренне, и только то, что пролетало через те годы, может оценить жгучую горечь такой искренности. Хотя есть и